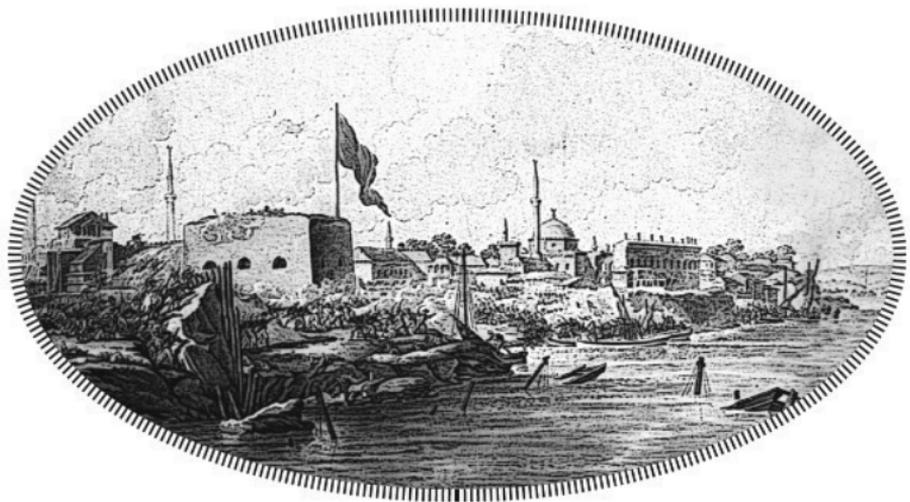

Глава девятая

Страх Божий, или «Очаковское ожидание»

Фирка появилась в жизни Светлейшего как-то невзначай. Душным летом 1788 года. Во время осады Очакова. В те долгие мучительные месяцы, напоенные жарой и ожиданием на берегу Днепровского лимана, где стоял огромный лагерь российского 50-тысячного войска. Тысячи шатров, палаток, а потом, ближе к зиме, и землянок. Как ахейцы под стенами Трои...

Все ждали штурма: Европа, русские, турки... Весь театр

военных действий... Изрядно растолстевший герой-победитель Первой турецкой войны, граф Румянцев – бывший генерал-фельдмаршал, а ныне всего лишь главнокомандующий 2-й армией под началом Потёмкина, князя профессиональным полководцем не считал. И, в сущности, был прав.

Светлейший по своей натуре был скорее градостроителем, нежели градозавоевателем. И сам в душе это понимал. Но очень хотел быть и тем, и тем.

О, Очаков! Слава и стыд Светлейшего... Злая фраза «Очаков – не Троя, чтоб его десять лет осаждать» стала крылатой и повторялась по всей империи и за ее пределами.

Армии не всегда ведь гибнут от пуль, бывает, что и от поноса...

Суворов, с его темпераментом, предлагал брать Очаков штурмом. Не мариновать солдат долгой осадой. Не нести потери позорные, санитарные... Уговаривал, убеждал: «Лиманская флотилия да казаки на “чайках” своих с воды нас поддержат, Григорий Александрович! Навалимся разом и выдавим Гасан-пашу из крепости, как прыщ гнойный, сейчас, пока весна на дворе, потом только хуже будет...»

Но Потёмкин не поддавался. Продолжал проталкивать план «формальной осады» Очакова по всем канонам осадной науки. Сначала строить отдельные батареи обложения. Затем взять пригород, передвинуть батареи, соединить их системой рвов и траншей. И, наконец, начать методический

каждодневный обстрел крепости. И в конце концов вынудить ее сдаться. Если нет – то штурм. Но с наименьшими потерями...

Суворов в открытую над тактикой Светлейшего смеялся, считая ее «занудной», и вот какую песенку собственного сочинения распевал: «Я на камушке сижу, я на Очаков гляжу». Александр Васильевич и Григорий Александрович в то очаковское лето окончательно выяснили, что имеют диаметрально противоположные представления о стоимости солдатской жизни...

Суворов солдат, конечно же, любил, как детей своих, но был убежденным проponentом принципа «бабы новых нарожают», эту идею маршал Жуков ведь у него позаимствовал. Ну а Потёмкин проповедовал: «Солдаты не так дешевы, чтобы ими жертвовать по пустякам. Ежели загублено будет столько драгоценного народа, то и Очаков этот того не стоит...»

Вот так и началась «тягучая осада»...

Если по-честному – князь, конечно же, боялся не только больших потерь, но и неудачного штурма. Провала Потёмкин бы не перенес. На карте стояла его репутация полководца...

Внимание всей Европы весной 1788 года было приковано к маленькому, похожему на наконечник стрелы, пятачку Черноморского побережья, зажатому между морем и лиманом. Здесь в ожидании событий собралась весьма пестрая

и причудливая толпа военных, журналистов, писателей, дипломатов, авантюристов, шпионов и шпиенок и просто искателей приключений без определенного рода занятий. Кого тут только не было: принцы, адмиралы, адъютанты, казаки, корсары и каперы, попросившиеся к нему, к Потёмкину, в армию, мечтая «о подвигах, о доблестях, о славе...»

Дрянь место – Очаков – турецкая Ачи-Кале, генуэзский Лерич... Летом – жарюга, зимой – лютая стужа, осенью – проливные дожди... Комары, блохи, дизентерия у солдат, малярия у всех. Вода в лимане – отстой,дохлые турки в воде плавают, дно – глина да ракушки... купаться в этой помойке даже в июльскую жару ломало. Но всё ж таки купались, купались солдатики, чтобы хоть как-то освежить измученные ожиданием штурма тела и души. Верховное же командование армии, а также всякие важные иностранцы как воители, так и наблюдатели, жили, в общем-то, довольно комфортно.

Светлейший себе в комфорте тоже, естественно, не отказывал, просто уже физически не мог. Многокомнатный шатер, прекрасная кухня и, конечно же, сопровождавшие его везде и всюду оркестр и хор под руководством маэстро Сарти...

Потёмкин пригласил знаменитого на всю Европу композитора и дирижера четыре года назад на должность придворного капельмейстера императрицы. А потом переманил в личное пользование.

И с тех пор ел, спал, воевал, путешествовал и предавался любовным утехам под аккомпанемент его оркестра.

Князь сам перед собой иной раз оправдывался – имею, мол, право на роскошь, безусловно, имею, все-таки второй человек государства Российского! Но иногда было совестно в глубине души перед солдатами, тухнувшими в ожидании штурма в землянках. Хотя рижским бальзамом, пищей мясной и теплыми одеялами снабжал он их исправно. Из своих запасов. И частенько на свои деньги.

В августе тяжело ранили в голову Кутузова, второй раз, почти в то же место. Потёмкин любил и ценил его чрезвычайно, не меньше, чем Суворова. Когда личный лекарь Потёмкина, доктор Массо, доложил, что положение генерал-майора «весьма сомнительно», Светлейший, сломя голову, примчался в госпитальный шатер.

– Михаил Ларионыч, выживешь?

– На всё Божья Воля, князь... – простонал бедолага.

Лишь на седьмой день стало ясно, что выживет. И, сидя у его постели, Светлейший спросил:

– Скажи мне, Ларионыч, ибо я тебе, как никому, верю, что делать? Весь мир мне в спину дышит: «Штурмуй, штурмуй!» А я боюсь... И солдат положить боюсь, да и уж что там... перед тобой лукавить не буду – обосраться боюсь... Что скажешь, генерал-майор?

– Светлейший, ты себя слушай, а не весь мир... кровь-

то на тебе будет! Ну, а насчет «обосраться», поговорку-то солдатскую ведь знаешь: «Лучше от пули, чем от поноса...»

Светлейший нагнулся, поцеловал терпилу-мученика и сказал, вставая:

– Видать, планида твоя такая, Миша, тяжелые раны получать. Так и отпишу матушке-императрице. Но коли смерть тебя отпустила, чует мое сердце, ты отчизне ещё великую службу сослужишь. Береги себя!

И вышел из шатра с твердым намерением начать подготовку к штурму.

Вот тут-то и произошло то, что изменило его планы, да и, пожалуй, всю его жизнь...

Хозяйством и бытом потёмкинского обширного походного двора занимался большой и слаженный коллектив камердинеров, портных, прачек, белошвеек, и просто женский люд по хозяйству. Цейтлин как-то спросил, не можно ли дальнюю родственницу его жены, сироту, пристроить по хозяйству: в шатрах убирать или прачкой.

На что Потёмкин пожал плечами:

– Говно вопрос, Цейтлин, чего ж не можно, поговори с камердинером, с кастеляном, пусть пристроят сироту...

Забыв об этом разговоре, он почти не замечал худосочную фигурку Фирки, иной раз попадавшуюся ему на глаза.

Светлейший купался в лимане редко, но в тот жаркий

августовский полдень после разговора с Кутузовым решил немного успокоить нервы в теплой соленой мути. Когда, вытряхивая воду из ушей, вошел он в свой шатер в шелковом, наброшенном на мокрое голое тело халате, перед его взором предстала сломленная пополам фигурка Фирки, вытянувшейся в попытке дотянуться до края необъятной потёмкинской постели. Тощее тельце ее нагнулось, натянув ткань домотканой рубашонки на жалкие ягодицы. Она была послана главным кастеляном быстро заправить постель, куда князь был в «купальном отсутствии».

Светлейший не имел привычки отказывать себе в полуденной порции похоти, собственно говоря, равно как и в любое другое время суток, если это только не шло во вред делам...

И посему, когда в его поле зрения попал пусть хоть и незначительный, но всё ж таки оттопыренный зад молодого и, судя по всему, женского существа, реакция его была вполне для него закономерной и абсолютно предсказуемой... Прижав неосторожную всем своим полновесным телом, он неторопливым движением завернул наверх домотканую юбочонку, подивился незамысловатости жалкого исподнего, про себя машинально подумав, надо бы подарить что-нибудь поприличнее, негоже женщине молодой такое носить, оттопыренным большим пальцем правой ноги отработанным годами движением стянул убогость бельца вниз, к полу... Но тут произошло нечто презабавнейшее. То ли Светлейший про-

сто перегрелся, купаясь, то ли с бодуна его шатнуло, а выпито виноградного свежесдавленного вина за здоровье Михаил Ларионыча было, кстати, накануне немало. В общем, пошатнувшись, князь чуть было не шмякнулся на пол, и смог удержать равновесие только уцепившись за край кровати... Пока он, чертыхаясь, восстанавливал баланс, Фирка, дрожа всем телом, прижималась к гигантскому ковчегу кровати, не делая никаких попыток убежать. То ли осознавала их бессмысленность, то ли просто не смела...

Надо отметить, справедливости ради, что на готовность Светлейшего овладеть неизвестной ему особой эта временная потеря равновесия не отразилась. Но это дало возможность его жертве, нет, не вырваться, а просто извернуться, как ящерке, и предстать перед ним лицом. Бледным конопатым лицом полуробенка-полуженщины в ореоле рыжих кудрявых жестких, как конский хвост, на вид волос...

«Этот взгляд... Этот взгляд я унесу в могилу», – подумалось Потёмкину в первую секунду. А потом он испытал то, что впоследствии определил для себя как страх Божий. Откровенно говоря, он так и не смог до конца понять, почему, и что именно его так «прошило»... может, ее глаза. Глубокие и темные, как сама древность, глаза. Глаза не разгневанной, но опечаленной Богородицы... Да, пожалуй, глаза...

Вспомнился псалом из детства:

«Придите, дети, послушайте меня: страху Божьему научу вас...»

– Как зовут тебя, девица? – охрипшим от пережитого голосом спросил он, снимая с правого, большого и волосатого пальца ноги убогое ее бельецо.

– Фирка, – характерный акцент тут же выдал в ней уроженку украинского местечка.

– Что же это за имя такое? – сдерживая раздражение, спросил Светлейший, – это ведь не имя для девушки, это кличка какая-то собачья! Я тебя русским языком спрашиваю, имя твое как?

– Эсфирь, – прозвучало хоть и картаво, но всё равно, прям как музыка для ушей Светлейшего.

Лицо его осветилось.

– Есфирь, – оживленно и даже умиленно повторил он, – ну это же совсем другое дело... слух-то как ласкает! И нараспев процитировал, что, имея феноменальную память на тексты, любил делать очень часто, поражая при этом окружающих и наслаждаясь этим, пассаж из ветхозаветной Книги Есфири: «И полюбил царь Ахашверош Есфирь более всех жен, и она приобрела его благоволение и благорасположение более всех девиц; и он возложил царский венец на голову ее и сделал ее царицею...»

– Ахашверош! – по-детски обрадовалась Фирка знакомому слову...

Ее улыбке улыбнулся и Светлейший, и только тут заметил, что она стоит перед ним практически нагая, в задранной до маленькой груди рубахе, инстинктивно закрывая неожидан-

но густую поросль своего лона ладошкой...

– На, прикройся, – протянул он ей первый попавшийся ему под руку предмет – свой атласный голубой шлафрок со стегаными обшлагами и алыми кистями. Он был длиннющий, до лодыжек, и тощая Фиркина фигурка сразу же в нем утонула...

– Садись, Есфирь, шоколаду хочешь?

Запахнувши на мощной, поросшей густой с проседью шерстью груди халат, он присел рядом с ней на край кровати и стал с удовольствием, с каким кормят всякую домашнюю живность, кормить ее шоколадом, привезенным из бельгийского Брюгге принцем де Линем, потихоньку расспрашивая обо всем. И уже через несколько минут, когда, мешая русский, малороссийский языки и местечковый жаргон, а также жестикулируя, когда не хватало словарного запаса, и с удовольствием поглощая кусочки шоколада, которыми Светлейший не забывал ее подкармливать, она ответила на все его основные вопросы, история ее маленькой и достаточно тривиальной жизни была у него как на ладони...

Родом из-под Тульчина. Седьмой ребенок в семье. Отец сумасшедший на всю голову. Поехавший на религии, щуплый, заросший бородой по самые глаза скорняк, который проводил все дни в синагоге и плодил детей, полагая это занятие, после молитв, самой главной добродетелью. Ибо первая из 613 заповедей Горы, которая приводится в первой же главе Пятикнижия, в книге Бытия, есть «Плодитесь и раз-

множайтесь...». Мать умерла, когда ей было двенадцать. В родах. Очередных. Отсидев положенный траур, отец женился на дальней родственнице покойной и с завидным упорством опять взялся за любимое занятие... Когда мачеха родила своего первенца, она позвала Фирку и, тускло посмотрев на нее, с грустью сказала:

– Фирелэ, девочка моя, тебе нужно либо замуж, либо в люди.

Ну прямо как дедушка Максима Горького... Ей-богу, читатель, похоже, что это стандартная фраза для бедняков во все времена и у всех народов!

Она была добрая женщина, эта мачеха, но ведь всех не прокормишь, особенно когда глава семьи так самозабвенно занят своими отношениями со Всевышним...

Замуж ей было нереально, хоть талмудический закон и считал ее как девушку уже совершеннолетней. Но уж больно была она «дробненькая» в свои тринадцать лет, никто особо не зарился... Посему пришлось пойти в люди. Сами знаете, как оно, жить по чужим домам... а ежели нет, то повезло вам! Так что, когда через пару лет предложили ей породственному похлопотать за казенную службу, была Фирка непомерно счастлива, хоть уезжать из родного местечка, что и говорить, было страшновато...

Слушая ее девчоночью болтовню, Григорий Александро-

вич всё ещё судорожно пытался понять, что же в ней, рыженькой пятнадцатилетней тощей местечковой еврейке свергло его, Светлейшего князя Священной Римской империи, второе лицо бескрайней Империи Российской, воина, полководца, интеллектуала, умницу, в то неопишное состояние страха Господня, когда всё его существо сжалось от ужаса в маленький комочек жалкой протоплазмы. Сжалось от ощущения своей абсолютной незначительности... Что это было? Глаза? В глубине которых проглянула «древняя рыжая жуть...». Рыжие от гнева глаза Грозного Ветхозаветного Бога? Знамение? Божественный знак? Высший разум? Ответ на терзающие его вопросы? Возможно, что и так... Всё возможно...

Ведь в Притчах сказано: «Начало мудрости – страх Господень...»

На следующий день Светлейший повелел заложить двадцатичетырехвесельную шлюпку, пригласил с собой наиболее яростных сторонников штурма: принца Нассау-Зигена, принца Ангальта, графа де Дама, уже столь знакомого нам де Линя и ещё несколько иностранных военных обозревателей и советников, настаивающих на немедленном штурме, и отплыл в сторону Очакова. Шлюпка подошла к крепости на ружейный выстрел. Турки тут же открыли огонь из всех орудий. Светлейший, сидя один на кормовой банке со всеми своими орденскими звездами, сверкавшими на солнце, спокойно и с достоинством рассматривал крепостные укреп-

ления и хладнокровно делал чертежи под ураганным огнем, который турки не преминули утроить, увидев и распознав экипаж шлюпки. Когда ядро или граната шлепались совсем уж близко к борту, осенял себя крестными знаменами, при этом не забывая перекрестить и своих спутников. Закончив наброски, Потёмкин дал гребцам команду на разворот. От крепости тут же отошли четыре турецких лодки с отпетыми головорезами и погнались за шлюпкой с явным намерением атаковать.

– Господа, как вам перспектива оказаться на невольничьем рынке в Стамбуле? – попытался пошутить изрядно побледневший де Линь, ибо расстояние между ними и преследователями стало сокращаться гораздо быстрее, чем им того хотелось бы. Оба принца, Ангальт и Нассау-Зиген, хмуро промолчали, наблюдая за приближающейся погоней.

– Вы нам льстите, де Линь, – отозвался Светлейший, осматривая пистолеты, – боюсь, что наши уже немолодые туши никого не интересуют, так что более вероятная перспектива – это посадка на кол. Заметив, что при этих словах граф Роже де Дама слегка вздрогнул, Потёмкин ободряюще похлопал его по плечу:

– К вам, граф, это не относится, я уверен, что для вас найдется место в серале какой-нибудь прекрасной, хоть и в годах, турчанки. Вы – красавец, офицер королевской гвардии – наверняка будете ходовым товаром среди пожилых турецких дам. Надеюсь, что с потенцией у вас всё в порядке... Да

вы не дуйтесь, граф, это я люблю...

Двадцатитрехлетний французский аристократ буквально напросился к нему в адъютанты год назад, был предан князю душой и телом, и так же, как и все, убеждал его идти на штурм.

И, уже обращаясь ко всем остальным участникам экспедиции, весело воскликнул:

– Не бздеть, прорвемся... А ну, соколики, налегли-ка на весла, родимые, всем по штофу выставлю. И червонцем ода-рю! А то альтернатива-то у нас у всех никудышная – турецкий кол в жопу...

– Говоря о штурме, господа, – Потёмкин повернулся к своим спутникам по рискованной морской прогулке, когда шлюпка наконец-то пристала к берегу под оглушительные овации многотысячной аудитории, наблюдавшей за этим завораживающим, но совершенно непонятным зрелищем, – как вы, наверное, и сами убедились, штурмовать Очаков с водной глади бессмысленно. Десант потерпит поражение. Будем продолжать осаду. По классической методе Вобана. Сжимая крепость в сети траншей и параллелей, подводя мины, пробивая бреши. Шаг за шагом. Если не сдадутся, тогда дождемся заморозков и на штурм. Но с минимальными потерями. Надеюсь, у вас была возможность убедиться, что в принятии решений мною движет не трусость. Мною движет страх. Страх за вверенные мне жизни. Благодарю вас всех за проявленное мужество...

И опять потянулись тошные дни тягучей осады. «Сидение
Очаковское»...